



Марьяна Сурикова



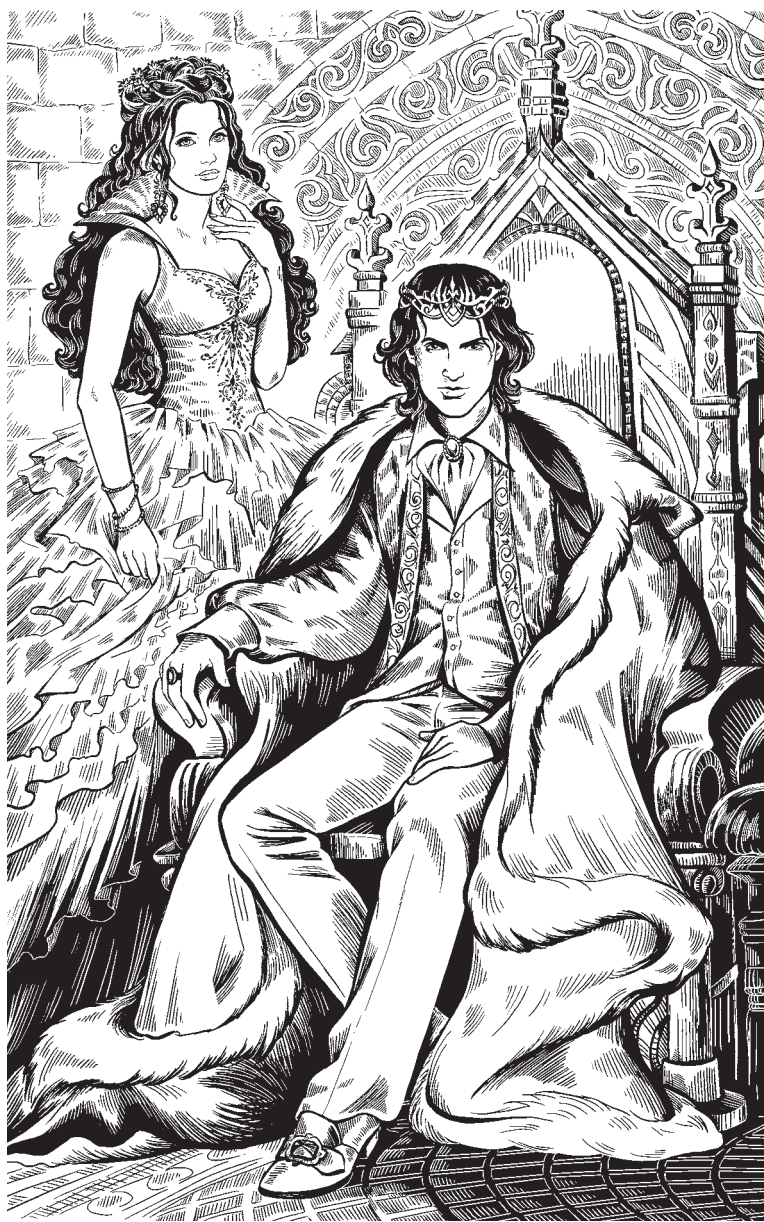
ПРОСТО ПОЗОВИ. АКАДЕМИЯ ЖИЗНИ

ПРОСТО ПОЗОВИ. ПРАКТИКА ЖИЗНИ

ПЛЕННИЦА. В ОКОВАХ МАГИИ

В ПОГОНЕ ЗА АРТЕФАКТОМ

МЕЖДУ ПРИЗРАКОМ И ЗВЕРЕМ



РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марьяна Сурикова

Между Призраком и Зверем

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2018
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С90

Серия основана в 2011 году
Выпуск 386

Художник
Е. Никольская

Сурикова М.

С90 Между Призраком и Зверем: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 377 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2767-3

Одна роковая встреча — и жизнь неприметной библиотекарши изменилась в одно мгновение. Теперь ей приходится скрываться от неумолимого убийцы по прозвищу Призрак. Страх стать третьей жертвой толкает на отчаянную сделку с главным имперским дознавателем. Но сложно понять, кто пугает сильнее: хладнокровный преследователь или опасный защитник, нареченный Зверем. И словно в насмешку над растерявшейся девушкой судьба дарит интерес самого императора.

Удастся ли теперь скрыться от тех, кто способен отыскать даже в иной реальности?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марьяна Сурикова, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2767-3

ГЛАВА 1

Тихий треск светильников был единственным звуком, хорошо различимым в абсолютной тишине библиотеки. Маленькие язычки пламени с трудом разгоняли полумрак, расплзавшийся по дальним уголкам. Даже мышь не скреблась возле норы, где я ежедневно оставляла кусочек сыра.

Подняв голову от старой книги, которую требовалось заново переплести, я прислушалась к едва различимому звону. Странный шум нарастал, заставляя испытывать безотчетную тревогу.

— Господин директор, это вы? — спросила негромко.

Обычно допоздна засиживалась я одна, все остальные стремились вернуться домой сразу после рабочего дня. Только начальник изредка составлял мне компанию, но именно сегодня он планировал уйти пораньше.

Откуда исходил звук, если библиотека была пуста, не считая двух охранников, дежуривших у главного входа?

Я выпустила из рук книгу и осторожно пошла на источник шума, держась поближе к стеллажам. Звон доносился со стороны главной арки. Прижавшись к полке с книгами, я выглянула из-за угла.

В центре пола, возле мозаичного круга, плясали тени. Они двигались сами по себе, поскольку отбрасывать их на пустом пространстве было нечему. Сплетались, расплетались, спутывались в клубок, ползали, удлинялись и снова сжимались, как вдруг в полумраке круглого зала из ниоткуда возникли две фигуры.

Я вздрогнула, когда они появились точно в центре. Не наблюдай за явлением собственными глазами, никогда бы не поверила, что можно шагнуть из пустоты.

Один человек был очень высок, он сжимал в руках отчаянно сопротивлявшегося толстенького коротышку. Тот бил-

ся, как муха в паутине, но не мог вырваться из стального захвата.

Все это продолжалось лишь несколько мгновений, до секунды, когда высокий мужчина убрал ото рта второго ладонь, и библиотека огласилась истошным воплем, который тут же захлебнулся в хрипе и жутком бульканье. Мой полный ужаса вскрик вырвался раньше, чем успела зажать себе рот, а низенький человечек медленно осел на пол.

Убийца, державший в руках окровавленный кинжал, резко вскинул голову, и мое желание немедленно укрыться за стеллажом рассеялось как дымка. Я замерла, точно кролик перед удавом, почувствовав на себе ледящий взгляд.

Он шагнул ко мне, переступив через неподвижное тело, а воздух вокруг сотрясся от звуков сработавшей охранки. Я все еще не дышала, не в силах вырваться из плена льдистого взгляда, когда облик преступника вдруг поплыл, смазлся, смешался с тенями библиотеки и растворился.

— Я уже сказала, он возник точно из воздуха, — пыталась объяснить окружившим меня мужчинам. — Не смейтесь, пожалуйста. Знаю, так не бывает, но если это галлюцинация, то почему в библиотеке тело? Почему сработала охранная сигнализация, которая реагирует лишь в чрезвычайных случаях?

— Дайте девушке воды.

Один из сыщиков догадался предложить стакан со столь необходимой жидкостью. Тело до сих пор колотило в ознобе, горло саднило, голова кружилась, еще и мутило ужасно.

— А звука шагов вы не слышали? — уточнил он. — В зале их легко различить в полной тишине.

— Ничего не было, — осушив больше половины стакана, с трудом ответила я, — только тихий звон.

— Опишите внешность поточнее.

— Очень высокий, стройный, в темном камзоле и брюках. Воротничок у рубашки белоснежный, как и его волосы. Лицо очень бледное, и руки — тоже. Я бы приняла его за привидение, не окажись он таким настоящим.

Мужчины переглянулись, а один из них кивнул напарнику и велел:

— Зови.

Я не поняла, кого он решил позвать, но отвлеклась, услышав следующий вопрос:

— Понимаете ли вы, что стали свидетельницей не простого преступления? У вас на глазах убили мэра столицы, который

за несколько минут до этого совершенно спокойно готовился ко сну в собственном особняке. Очевидцы подтвердят, что он лишь на минуту скрылся в гардеробной, откуда уже не вышел.

— Я видела мэра прежде во время публичных выступлений, но к его появлению здесь не имею отношения. Я обычная библиотечарша, работаю здесь пятый месяц...

— Кто мог впустить преступника? Есть ли в здании подземные ходы?

— Никто не мог, библиотека уже была закрыта, а...

— Где? — Громкий рык заставил вздрогнуть, а допрашивавшие мужчины разом расступились, открыв меня взгляду еще одного незнакомца.

Этот выглядел как настоящий имперский дознаватель. Черный костюм делал его практически невидимым в полумраке большого зала, он сам точно выступил из ниоткуда и вот уже нависал надо мной, пристально глядя в глаза.

— Она? — спросил, не отводя взгляда, отчего сильнее задрожали руки и расплескалась вода из стакана.

— Да. Свидетельница преступления.

— Место осмотреть.

Короткому приказу мгновенно повиновались, а пальцы мужчины вдруг сомкнулись на отворотах потертого клетчатого платья и подняли меня со стула, точно тряпичную куклу.

Он подтащил к себе, несмотря на то что попыталась воспротивиться, и словно принял. Пальцы схватили за волосы, не позволяя вывернуться из захвата, а дознаватель пристально изучал меня несколько минут, чтобы в итоге скривиться.

— Чувствую лишь страх. Никакого толку сейчас. Жду завтра в своем кабинете.

И оттолкнул так, что я снова упала на стул.

Мужчина развернулся и устремился в глубину зала, затерявшись в темноте. Едва он скрылся, как ко мне подскочил сыщик, прежде проявивший заботу и поднесший стакан воды.

— Хорошо хоть вы ему понравились, — заявил он, убедившись, что я еще не умерла от страха.

— П-понравилась?

— Вы не видели, как Зверь обходится с теми, кто ему не по душе.

— З-зверь? — Кажется, я заработала заикание, а мужчина в ответ покачал головой, словно досадуя на мою неосведомленность.

— Главный имперский дознаватель и лучший в своем деле. Расследует только громкие дела. — Собеседник понизил голос до шепота: — Судачат, будто у него нюх, как у настоящего оборотня.

Остатки воды я разлила на юбку.

— Когда завтра начнет допрашивать, отвечайте спокойно и ничего не бойтесь, а еще не спорьте ни в коем случае.

Я кивнула, поскольку меньшее, на что была способна, — это спорить с тем, кого подчиненные прозвали Зверем.

Остаток ночи прошел мирно, а вот отдохнуть после испытанного потрясения толком не удалось. Наутро пришлось отправиться в Дом имперского сыска, располагавшийся в самом центре столицы. Старинный, светлый и красивый, он тем не менее пугал страшными слухами и историями о тайных подвалах и темных подземельях, в которых люди исчезали без следа.

Выяснив дорогу до кабинета начальника жужжащего, точно улей, здания, я поднялась на второй этаж, свернула в начале коридора и постучала в дверь из светлого дуба.

— Входи.

Взявшись за изогнутую ручку, надавила и несмело шагнула в просторную комнату, чтобы замереть на пороге под изучающим взглядом хозяина кабинета. Мужчина медленно, с небрежной ленцой, сквозившей в каждом движении, поднялся из-за широкого стола и двинулся в мою сторону.

— Доброе утро, — склонился к самому уху. — Пунктуальность — приятная черта в женщине.

И резко захлопнул дверь, повернув ключ в замке.

— Располагайся, — указал широким жестом в сторону кресла для посетителей, чему я даже обрадовалась — слабина в коленях ощущалась все сильнее.

Однако стоило присесть, как дознаватель очутился рядом. Развернул кресло вместе со мной, и я вдруг оказалась в непосредственной близости от мужчины, чьи руки легли на подлокотники, а лицо приблизилось к моему.

— Рассказывай.

Я вдавилась в спинку, безуспешно пытаясь отдалиться, и сбивчиво принялась излагать события вчерашнего вечера с самого начала, дико теряясь под пристальным взглядом темных глаз. Когда вновь дошла до описания внешности преступника, тихий рык заставил испуганно вздрогнуть.

— Пр-ризрак! Снова!

Мужчина наконец убрал ладони, выпустив меня из ловушки, и отвернулся к столу. Длинные пальцы забарабанили по столешнице, выдавая возбуждение. А может, то было предвкушение охоты, поскольку имперский дознаватель со стороны производил необычайное впечатление — сильный зверь, замерший перед прыжком.

Я воспользовалась тем, что он отвернулся, и быстро поднялась, встав рядом с креслом и надеясь избежать таким образом еще одного чересчур близкого допроса.

Зря я это сделала.

Через секунду попала в новую ловушку, оказавшись прижатой к краю стола.

— Ты впустила его в библиотеку? — огорошил неожиданным вопросом дознаватель.

— Нет! — В горле пересохло, сердце заколотилось как бешеное. — Я уже говорила.

— А если ты врешь?

— Нет!

В следующий миг Зверь сделал нечто невероятное. Он схватил меня за талию и, легко подняв, усадил на стол.

— Что вы творите?

— Ты ведь библиотекарьша? — задал мне неожиданный вопрос.

— Д-да.

— Вот и храни молчание, а спрашивать стану я. Отвечай, лишь когда велю. Ну?

Его рука схватила мои волосы, и он притянул к лицу густую прядь, жадно вдохнув ее аромат.

— Ч-что?

— Описывай преступника.

— Я уже говорила...

— Опиши мне его! — тихо рыкнул Зверь, а я вздрогнула, когда мужские пальцы обхватили бедра, развели их в стороны, а дознаватель встал между ними вплотную ко мне.

Дыхание резко прервалось, из крепких тисков было нереально выбраться. А как можно что-то описывать, если разучилась говорить?

— Выражение глаз, как спадали волосы, как сидела на нем одежда? Безупречно, без единой складки?

Я плохо понимала, о чем он говорит, поскольку одна его рука спускалась по спине от шеи, а вторая поднималась по бедру, задирая юбку выше. И вот когда она коснулась края чулок, я не выдержала и со всей силы уперла ладони в грудь Зверя.

— Отпустите немедленно. Вы не имеете...

— Права? — Он откинул голову и рассмеялся. — Я могу делать, что пожелаю, Мышонок, а уж тем более с тобой. Ну и? Станешь говорить или расценить твоё молчание, как помеху следствию?

Он прекратил нескромные действия, но широкая ладонь легла на шею, а вторая вновь захватила волосы.

— Он в-выглядел точно привидение, я говорила. Костюм сидел б-безупречно, наверное, там было темно, я не могла разглядеть деталей. Он шагнул ко мне, а потом раздалась сирена, и он исчез.

— Исчез? — Я вновь услышала рычание, а рука, гладившая мои волосы, сжалась в кулак, вырвав у меня болезненный вскрик.

— Знаешь, кто ты для меня, Мышка? — вдруг резко сменил тему Зверь.

В полуобморочном состоянии, в котором находилась, я плохо понимала его вопросы.

— Ты мой шанс поймать нашего неуловимого красавца. Мой сладко-пряный шанс. Приманка, — шепнул он последнее слово и склонился к моей шее, прижался к ней лицом, вновь делая глубокий вдох.

Мои дрожащие пальцы нащупали тяжелую подставку на столе, и, схватив ее, я попыталась опустить каменную вещицу на голову дознавателя. Мужчина, точно предвидя этот маневр, молниеносно перехватил мою руку и резко прижал к столу. Подставка выпала, а я вскрикнула от боли в запястье.

— Спротивляешься? Как глупо.

Может, и глупо, но еще глупее — послушно позволять незнакомому мужчине делать, что ему заблагорассудится. И дождавшись, пока дознаватель отстранится, я саданула коленом в самое уязвимое место.

Зверь зарычал, согнувшись пополам, а я упала на спину и крутанулась по широкой столешнице в сторону окна. К двери добежать, а тем более открыть ее, не успела бы, и незапертое окно оказалось единственным шансом.

Я чуть не выпрыгнула, но вовремя сообразила, что либо сверну себе шею, либо сломаю что-нибудь. Затормозив у самой рамы и высунувшись почти наполовину, закричала на всю улицу:

— Помогите!

Мой крик привлек внимание нескольких спешащих куда-то прохожих. Они остановились, задрав головы, но тут я была

поймана и утянута обратно. Как ни цеплялась за раму, не смогла противостоять силе Зверя, легко поборовшего сопротивление.

— Не дури, — раздался его рык возле самого уха.

Я повернула голову и судорожно сглотнула от страха, увидев пламя бешенства в глубине потемневших глаз.

— Эй! — послышался крик с улицы, а мужчина невозмутимо выглянул в окно.

— Чем-то помочь? — спрашивал, по всей видимости, охранник, дежуривший под карнизом.

— Все в порядке, — заверил его дознаватель и повернулся ко мне.

— Ты еще глупее, чем показалась вначале, — проговорил он и, взяв за шкурку точно котенка, стащил меня со стола. После направился к двери и отпер замок.

— Допрос на сегодня окончен, — махнул он рукой, как показалось — безразлично, однако я продолжала стоять в каком-то ступоре.

— Что замерла? Беги, Мышка. Еще увидимся.

Ничего себе, главный дознаватель! У меня после такого дознания ощущения раздваивались: я то ли на допросе побывала, то ли в борделе. Так откровенно меня еще не лапали. Просто неприлично, до мурашек по всему телу. Я даже повода не давала, он сразу накинулся. Что за методы добычи информации? Или он так прощупывает подозреваемых? Причем прощупывает в буквальном смысле.

— Ух! Приманка! — Я никак не могла успокоиться. — Приманка для Призрака? Это нормально?

Я очень быстро шагала по улице, пытаюсь не сорваться на бег, и бормотала себе под нос. Пара прохожих даже обернулась.

— А эти люди не должны нас защищать? Или манера говорить в лицо, что тебя ожидает, должна как-то взбодрить после кошмарной картины убийства?

С одной стороны, метод оказался действенным — взбодрил, даже очень, а с другой — как-нибудь обошлась бы без этих откровенных поглаживаний. Я до сих пор ощущала его прикосновения. Дерзкие пальцы умудрились проникнуть и под резинку чулок, отчего меня до сих пор бросало в жар и пылали щеки.

— Я воспитанная, скромная девушка, свидетельница, а не подозреваемая, я, в конце концов, хранитель библиотеки! Вижу его второй раз в жизни! Да как он мог?!

Разговаривая сама с собой, я ворвалась через парадные двери библиотеки и чуть не сбила с ног собственного директора.

В другой раз непременно извинилась бы, но сейчас слишком переполняли эмоции. Даже не обратила внимания, как резко начальник ухватил меня за руку и поволок в еще один за этот день кабинет.

— Тебя допрашивали? — спросил он напрямик, даже не поприветствовав.

— Да.

— Кто?

И вот тут я поняла, что не знаю имени главного имперского дознавателя.

— Эм... У него прозвище необычное — Зверь.

Директор побледнел и схватился руками за голову.

— А что он сказ... — Начальник запнулся, перевел дух и завершил фразу: — Сказал?

— Допросил в весьма странной форме и пообещал новую встречу.

Взгляд директора стал таким, что неожиданно в голове мелькнула мысль об увольнении по собственному желанию, но я отчаянно любила свою работу.

— Сам Зверь? Тебе? И что теперь делать?

В каком смысле? Мне кажется или сегодня все ведут себя необычно? Отчего так испугался директор?

— А кто он такой? Ну, главный дознаватель. Очень странный, даже не знаю, как сказать...

— А лучше никак не говори и никому, — вдруг склонился ко мне собеседник. — Целее будешь.

Это мне сейчас показалось или начальник приблизительно догадался о методах допроса?

— То есть?

— Он родственник императора. Кровный!

У меня зашло сердце и голова закружилась.

— Понимаешь, что это значит?

— Н-не совсем.

— А я понимаю, хорошо понимаю. — Директор вдруг заметался по кабинету, потом замер, запустив пальцы в волосы и бормоча: — Но где искать замену в срочном порядке? Ведь не возьмешь абы кого. А этот... Ну ничего же не предвещало! Теперь если в горло вцепится, не выпустит.

О чем он сейчас?

Начальник снова принялся мерить шагами кабинет, демонстрируя высшую степень нервозности, а потом резко остановился, очевидно приняв решение.

— Извини, — начало следующей фразы мне сразу не понравилось, — но тебе уже сейчас лучше приступить к поиску новой работы.

Я ослышалась?

— Простите?

— Ты стала свидетельницей убийства, и теперь начнутся неприятности.

— Из-за меня? Но я же ничего не сделала!

— Понимаю, но и ты меня пойми. Взгляни только, что происходит.

Он подошел к круглому окошку на уровне головы, которое выходило в главный зал, а я послушно встала рядом, глядя на толпу посетителей. Сегодня в библиотеке было не протолкнуться. Некоторые из визитеров делали вид, что ищут какие-то книги, а другие даже не притворялись, кружа возле старой арки и пытаясь все там хорошенько рассмотреть.

Директор распахнул окошко и громко крикнул:

— Запрещается трогать старинную мозаику!

Любитель своеобразных сувениров тут же пересталковырять ровный круг на полу под аркой.

— Что за люди пошли? — покачал головой начальник, и я с ним молча согласилась. — Только ночью на этом месте человек погиб, а сегодня поналетело воронье сувениров собрать на память.

— Простите, — попробовала вернуться к моему вопросу, — не могу понять, чего вы опасаетесь? Как все это может повлиять на мою работу?

— Не это. На твою работу повлияет родственник императора.

— Но...

— Ты о нем прежде слышала?

— Нет.

— Так послушай сейчас. Он хищник, и как в любом хищнике, в нем сильно желание ловить добычу, а потом рвать ее на части. Жестокий подонок.

Я покраснела, поскольку никогда не слышала, чтобы директор так выражался.

— Зверь обычно не тратит на допросы больше трех минут. Припирает к стенке, находит уязвимое место и давит, давит на

него, пока не взмолишься о пощаде, не запутаешься и не раскроешь все карты. Он быстро разбирается в человеке, и для этого все приемы хороши: запугивание, шок, растерянность.

Я тут же вспомнила своеобразный метод допроса и снова покраснела.

— Он не тратит время на повторные встречи с уже опрошенными свидетелями, а тебе обещал увидеться снова. И вот что ты для этого сделала? Улыбалась, млела перед ним, как прочие недалекие девицы, которых привлекают чисто животная сила и власть?

— Да что вы такое говорите? — Я даже побледнела с досады.

— Сопротивлялась? — упавшим голосом уточнил начальник, а заметив возмущение на моем лице, устало махнул рукой и вернулся в кресло. — Ну все, теперь он в покое не оставит.

Мой директор, безусловно, был умным человеком, ведь не зря ему доверили такую важную должность, но и он мог ошибиться. Ничего не было во мне такого, чтобы привлечь мужчину, подобного Зверю. Ведь при одном взгляде на дознавателя становилось ясно, что недостатка в женском внимании он не испытывал.

— Не веришь? — уловил тень сомнений на моем лице начальник. — А зря. Наслышан я о кузене императора.

Так он еще и кузен?!

— И даже не думай о каких-то ухаживаниях с его стороны или, еще смешнее, серьезных намерениях. Он сразу берет, что хочет. Думаешь, вот эта строгость, — директор указал на мою одежду — пиджак в полоску и длинную широкую юбку, затем ткнул в сторону собранного на затылке пучка волос, — его впечатлит? Девушкам вроде тебя, случайно встреченным, привлечшим внимание, он отводит роли игрушек. Так, время убить в перерыве между родовитыми пассиями. А как наиграется — бросит. Я тебя немного узнал за это время, Миланта, и думаю, что быстро ты не сдашься. Первый отпор — лишь начало, ты и дальше будешь сопротивляться, разжигать его интерес, а он станет давить. Сама понимаешь, мне эти проблемы ни к чему, особенно после громкого скандала.

— Пожалуйста, прошу вас, не увольняйте! — Я готова была умолять, лишь бы начальник оставил на прежней должности. — Вы знаете мою ситуацию.

— Да помню я, помню. Что-то про лечебный пансионат для отца.

— Верно, все верно. Если я даже за один месяц не внесу нужную сумму, его сразу выселят. А там такое лечение, кото-

рого я никогда не смогу обеспечить дома. Сейчас только благодаря ему отец жив. Папе даже стало лучше. Прошу вас, ну, пожалуйста.

— Не могу оставить. Я слишком хорошо понимаю масштаб неприятностей. Могу только дать время, чтобы ты подыскала себе другую работу.

Вопрос: «Как теперь быть?» — ни на секунду не покидал моих мыслей. Даже по завершении разговора, когда покинула кабинет директора и приступила к работе, не могла сосредоточиться. Обычно рутинные обязанности успокаивали, помогали отвлечься от забот, но не сегодня.

Работу в библиотеке я любила. Здесь царило спокойствие. Кругом, заключенные под обложками книг, хранились загадки и тайны, чудные миры, мудрые мысли и ответы на все вопросы. Столичная библиотека казалась идеальным местом. Устроиться сюда мне повезло лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств. Здоровье прежней старой хранительницы не позволяло ей продолжать работу, а потому директор объявил для всех соискателей день общего приема.

Я оказалась самой молодой, что не слишком обрадовало начальника, но все решил мой диплом. Я проучилась в школе библиотекарей пять лет и располагала рекомендациями наших учителей с характеристиками моих моральных качеств и трудовых навыков. Именно эти письма, среди которых была пара от весьма уважаемых и известных в нашей сфере людей, решили дело.

Торжественно поклявшись, что со мной проблем не будет, я вела себя тише мыши. Клятва работала все пять месяцев, поскольку никто из посетителей не воспринимал меня иначе, как хранительницу. Мне и не нужно было ничего внимания, я не стремилась в столичную библиотеку в надежде поймать случайно забредшего сюда богатого горожанина или — о счастье! — представителя высшего сословия. Я стремилась к этой работе ради самой работы и ради отца.

Он всю жизнь трудился, чтобы позаботиться обо мне, и серьезно подорвал здоровье. Теперь я выросла, а он был уже не в состоянии нас обеспечить. Зато мое жалованье позволяло платить за хороший пансионат. Отца буквально вытащили с того света. И хотя я сэкономила на всем, зато он стал чувствовать себя намного лучше.

Куда можно было направиться, если даже жильем обеспечивала библиотека? Директор позволил поселиться в комнат-

ке под крышей, и не пришлось отдавать бешеные деньги за съём столичной квартиры. Но куда пойти теперь? Какую достойную работу отыскать за столь короткий срок? И как дальше заботиться о папе?

Я ужасно переживала и надеялась лишь, что директор поймет, как оказался не прав. И хотя мой начальник настаивал на каких-то симпатиях, я понимала, что имперскому дознавателю важна лишь в качестве приманки. Ради возможности продолжить работу в библиотеке я готова была молиться дни и ночи напролет, чтобы Зверь и вовсе обо мне позабыл и никогда не пришел вновь, но он вернулся.

Имперский дознаватель не бросал слов на ветер. Он пришел в библиотеку к вечеру в компании нескольких подчиненных. Я догадалась об их визите, услышав звук твердых шагов по мраморному полу. Подскочила со стула, в испуге сжав задрожавшие ладони, а директор уже бежал по ступенькам лестницы, стремительно спускаясь из своего кабинета.

Гроза сыска империи удостоил меня мимолетного взгляда, а начальника — легкого кивка. Он остановился прямо под аркой, посреди мозаичного круга, изучая его с пристальным вниманием, после чего поднял голову и коротко велел:

— Мне нужен план здания и подземных ходов.

— Я прошу прощения, — низко склонился в ответ директор, — здесь есть только переходы между частями здания, но под землей нет ничего.

— Повторять не буду. В гардеробной бывшего мэра обнаружен потайной ход, который пока не исследован до конца. Несите все планы, какие есть.

Директор побледнел и едва заметно кивнул мне, я же поспешила к стеллажам, отыскивая нужную информацию. В своем царстве я знала место всех книг до единой, сама их систематизировала, объединяла в каталоги, заботилась о них как о лучших друзьях и поверить не могла, что вскоре придется расстаться. А все лишь оттого, что замерший посреди залы невозмутимый мужчина пообещал увидеться вновь.

Он молча принял поданные схемы и чертежи, а я бросила взгляд на директора, пытаясь определить, заметил ли он полнейшее равнодушие со стороны главного дознавателя, но лицо начальника освещалось лишь подобострастным выражением. Сложно было понять его мысли, а я всегда разбиралась в людях хуже, чем в книгах.

Зверю хватило нескольких минут, чтобы все просмотреть. Он действительно работал очень быстро. Кивком головы подзвав подчиненных, дознаватель всем раздал схемы.

— Ты отправишься сюда, а ты исследуешь этот проход.

— Вы, — обратился он к задрожавшему директору, явно пугая его одним своим присутствием, — поведете этих двоих в главный тоннель в бывшее хранилище.

— Он ведь запечатан...

— Распечатаете.

— Мы, — он бросил взгляд на меня, и сердце оборвалось, — исследуем коридор, ведущий из этой залы. Все за дело! У вас час.

И, не сказав больше ни слова, устремился к стеллажам, а мне пришлось броситься следом.

— Открывай, — коротко велел дознаватель, остановившись напротив полок, сдвинув которые, можно было открыть старый потайной ход.

— Это коридор между частями здания, одна из которых заброшена, — попыталась я внести ясность, а заодно избавиться от сомнительной чести отправляться с ним в темноту.

— Вот и убедимся, — был мне ответ, а потом дознаватель шагнул к полкам и, вновь бросив взгляд на схему, принялся водить ладонями по корешкам книг.

Я точно знала, которая из них служила рычагом, но промолчала.

— Третья сверху, красная, — быстро сориентировался он и потянул за корешок, выдвигая книгу.

Старый механизм заскрипел, и полки стали смещаться в сторону, однако почти сразу замерли, открыв проход лишь частично. В такую узкую щель я могла протиснуться с большим трудом, а более крупный человек не прошел бы вовсе. Но дознавателя это не остановило, он положил ладони на боковую стенку, пытаясь сдвинуть полку сам.

— Механизм заело, у вас не выйдет. Он слишком старый. Здесь нужны силы трех человек, по меньшей мере, — попыталась донести очевидную истину, наблюдая, как напрягаются под рубашкой мускулы, а на высоком лбу проступает испарина.

Однако порадоваться удачному выходу из строя механизма не довелось. Не понимаю как, но Зверь справился. Где-то что-то хрустнуло, треснуло, и полки подвинулись еще, сделав проход шире. Теперь мне стало еще страшнее идти в темноту с мужчиной, в котором крылась такая физическая сила.

— Вперед, — пресек он все сомнения, забрав из моих рук свечу.

Нехотя, с огромным нежеланием я проследовала за ним в окутанный паутиной тоннель.

Шли в полной тишине. Дознаватель освещал низкий потолок и внимательно осматривал каменные стены до тех пор, пока мы не добрались до ступеней.

— Дошли. Это выход наверх, в другой зал, который в настоящее время закрыт. В переходе не скрывается больше потайных дверей — ничего интересного.

— Ничего? — задумчиво уточнил он.

— Да.

— Как твое имя, Мышонок?

— Что?

— Тебя как-то зовут?

— М-Миланта.

— Миланта, — медленно произнес дознаватель, точно пробуя на вкус. Тон его голоса ужасно смутил, я сделала шаг назад, а он повернулся в мою сторону, пристально наблюдая. Я совсем растерялась и попыталась отвлечь внимание от себя, спросив:

— А вас как зовут? — Удивительно, что в минуты растерянности в голову приходят не самые умные вопросы.

— Кериас дор Харон амон Монтсеррат, — отчеканил он, следя за моей реакцией и легко приметив, как я оробела при упоминании имени императорского рода.

Я сделала еще один крохотный шагок назад, надеясь, что дознаватель не обратит на это внимания, но он обратил и усмехнулся.

Тени от свечи причудливо исказили эту усмешку, делая ее зловещей, а потом я окончательно перепугалась, так как свеча вдруг погасла.

— Не бойся, Мышка, — раздался шепот возле самого уха, и я вздрогнула. Совсем не слышала его шагов и не поняла, как он успел оказаться так близко. Дернулась в сторону, а попала в кольцо мужских рук. — Я тебя не съем, только попробую.

— Отпустите! Нам нужно обратно! Здесь темно!

— В переходе сложно заблудиться даже в темноте, он слишком короткий.

— Что вы... ох!

Объятия стали крепче.

— Что я хочу сделать?

Я кивнула, не в силах ответить.

— Хочу понять, что в тебе интересного.

— Ничего, совершенно, — прошептала, ощущая, как его пальцы расстегивают верхнюю пуговицу рубашки.

И ведь нарочно переделалась к вечеру в потертую и серую рабочую форму, но не помогло.

— Вижу, — был ответ, — бесцветная, скучная, незаметная. Но твоя кожа пахнет, — я услышала, как он делает глубокий вдох, — мм... волнующе. И мне нравятся, — тут он одним движением сорвал с головы сеточку для прически, — твои волосы.

Я сделала слабую попытку освободиться, но он не позволил, запустив в густые пряди обе ладони. Новый рывок привел лишь к тому, что меня прижали к стене.

— Что вы за дознаватель? Вы не должны...

— Чего не должен?

— Делать то, что делаете.

— Пробовать? Прежде чем ловить на приманку, нужно убедиться, что она привлекательна.

— У убийцы иной взгляд на мою привлекательность. Отпустите.

— А ты что-то знаешь о его взглядах? — спросил Зверь, приблизив голову к моей шее.

— Я ничего о нем не знаю!

В этот момент губы его коснулись тела и медленно проследовали по плечу, освобожденному из ворота расстегнутой рубашки, слегка прихватывая кожу, точно смакуя. Язык прочертил дорожку вдоль ключицы, а мне показалось, что воздух в переходе стал еще более спертым и тяжелым.

Я ощутила, как его руки спускаются по бедрам ниже, а потом снова скользят вверх, поднимая форменную юбку. Неожиданный рывок, и я оказалась прижата к стене, но уже его телом. Одна рука обхватила бедра, а вторая медленно стягивала рубашку ниже.

Я помнила слова директора о том, что если стану сопротивляться, Зверь будет давить сильнее, но выше моих сил было позволять ему делать то, что он делал.

Упершись ладонями, я попыталась отстранить голову дознавателя и избежать прикосновений, а добилась лишь смеха в ответ.

— Отпустите!

— Воспитанные библиотекариши должны просить вежливо.

— Отпустите, пожалуйста.

— Не хочу.

И он ухватил зубами ляжку короткой сорочки и потянул вниз, а я принялась изворачиваться, пытаюсь ему помешать, но все усилия были тщетны. В ответ на сопротивление он выпустил ляжку, но его губы опустились ниже, а язык очертил круг, касаясь груди прямо сквозь тонкую ткань. Меня залихорадило, когда мужчина накрыл губами, а потом жадно втянул напругшую вершинку в рот. Из-за недостатка воздуха закружилась голова. Я тяжело задышала, чувствуя, как сильнее холодит взмокшую спину камень.

Тело так ослабло, что я перестала сопротивляться, а Зверь сразу ощутил перемену и неожиданно отстранился. В темноте не видно было ни его лица, ни выражения глаз, слышалось только быстрое дыхание, но следующие слова были сказаны абсолютно ровным тоном:

— Приятное исследование. Думаю, он проглотит наживку. Пора двигаться дальше.

И дознаватель опустил меня на пол, а через минуту коридор вновь осветился пламенем свечи. Сыщик поднялся по ступенькам и стал водить ладонью по двери, пока я пыталась застегнуть рубашку и одернуть юбку.

— Так нельзя. — Хотела крикнуть громко, чтобы эхо прокатилось до самого конца коридора, но голос сорвался, осип.

— Нельзя убивать ставленников императора, — раздался невозмутимый ответ, а Зверь даже не обернулся, отыскивая замочную скважину. Присев на корточки он поднял свечу выше, затем достал из кармана отмычку и принялся вскрывать замок.

— Вы служите императору. По закону вы должны заботиться о его подданных, а не набрасываться на тех, кто беззащитен.

— Наброситься — это растянуть тебя на полу и взять без глупых разговоров. Читай меньше далеких от реальности книжек и начнешь трезво смотреть на мир.

При последних словах замок щелкнул, а дверь поддалась и со скрипом отворилась. Зверь подхватил свечу и, пригнувшись, прошел сквозь дверной проем.

Хорошо, пусть осматривает. Я лучше останусь здесь. По коридору его провела, так что нет необходимости в дальнейшем присутствии. Рассудив так, вновь облокотилась на стену и стояла, восстанавливая дыхание, пока не услышала зловещего предупреждения: «Сейчас сам за тобой спущусь». Не приходилось сомневаться, кому его адресовали.

Отпрянув от стены, быстро взбежала по ступенькам.

ГЛАВА 2

— Почему закрыли этот зал? — спросил Зверь.

Он стоял спиной ко мне, оглядывая просторное помещение с тусклыми окнами. Даже головы не повернул, словно и не видя, ощущал мое присутствие. А может, определял по запаху? Хищники ведь издалека чуют добычу.

— Он нуждается в ремонте. Лепнина на потолке вся пошла трещинами. Может обвалиться в любой момент.

— Починить проблема? — спрашивая, дознаватель пересек комнату, снова оглядывая стены.

— Об этом лучше спросить у господина директора, я не имею отношения к вопросам, связанным с финансированием и ремонтом библиотеки.

— Тебя взяли привлекать сюда посетителей мужского пола?

— Вовсе нет! Что за предположение?!

— Маленькие испуганные мышки, прячущиеся по углам, всегда вызывают интерес.

— У котов! — не удержалась я и поспешно прикусила язык.

Не знаю, проигнорировал бы Зверь это замечание, не привлеки его внимания противоположная стена.

— Как интересно, — проговорил он, медленно проводя пальцами по поверхности старых обоев.

Мне, естественно, тоже стало интересно, но от вопроса: «Разве там что-то есть?» — я удержалась. Ведь если он смотрит с таким вниманием, то определенно заметил какую-то важную деталь.

— Совершенно пусто, — словно ответил на мои мысли дознаватель.

— Как пусто?

— Разве здесь что-то должно быть? — тут же повернулся ко мне мужчина.

— Ничего, — ответила и поймала его пристальный взгляд. Вот как у него выходило делать меня без вины виноватой? Словно что-то знаю, но пытаюсь скрыть.

— Так что? — не сводил глаз дознаватель.

— По схеме, за этой стеной ничего нет.

— А если не по схеме?

— Я не умею видеть сквозь стены! — не выдержала его давления. И вновь моя выходка не имела последствий, поскольку раздался приглушенный хруст, сразу настороживший обоих.

— Ой! — Запрокинув голову, пригляделась к потолку, и показалось, будто одна из трещин стала шире. — Если ничего

больше в этом зале не привлекает вашего внимания, нам лучше уйти.

— А знаешь, Мышка, привлекает.

Ну вот зачем он спрашивал мое имя, если постоянно зовет Мышкой.

— Вы ведь сами сказали: «Совершенно пусто».

— Именно. Цельная стена даже без намека на дверь, но...

— Но? — Зверь умел так многозначительно выдерживать паузы, что сразу просыпалось желание услышать фразу целиком.

— Я чувствую за стеной пустоту.

Да он просто мастер строить предложения, имеющие двойкий смысл.

— Подойди.

Мне больше хотелось уйти, а вовсе не приближаться к нему, но дознаватель не оставил выбора. Правда, стоило мне удалиться от двери, вновь раздался треск. Я замерла в испуге, снова посмотрела на потолок и, вскрикнув, прикрыла голову руками. Большущий кусок откололся от вычурной лепнины на моих глазах и стремительно понесся вниз. Такой удар мог если не добить, то точно оглушить, а вместо этого меня окутало облаком известки, мгновенно набившейся в нос и рот, и я закашлялась.

Когда наконец сумела вздохнуть и потерла ладонями глаза, оглядела белый пол вокруг себя и свою выбеленную одежду. Со стороны сейчас напоминала гипсовую статую, но не это занимало мои мысли. Вопрос: «Как такой огромный кусок мог рассыпаться в пыль?» — вот что казалось интересней всего.

Я посмотрела на Зверя. Дознаватель стоял, повернувшись ко мне, и медленно растирал руки.

Не может быть!

— Ну что так смотришь, Мышонок?

В этот момент мне стало еще страшнее, чем в миг, когда на глазах свершилось убийство.

— Ты побелела или это все известь?

— Вы маг?

Я все же нашла силы, чтобы протолкнуть сквозь задрожавшие губы этот вопрос.

— Разве? — склонил голову к плечу дознаватель.

Конечно же, ну разве есть смысл спрашивать очевидные вещи. Ведь куски потолка просто так не измельчаются в воздухе во время падения на чью-то голову. Но ведь и маги никоим образом не имеют возможности свободно разгуливать по столи-

це, а главное, имперским дознавателем не мог стать маг, никак не мог.

— Вы измельчили вот этот кусок, — и я указала себе под ноги. — Как же вы?..

Я стояла, смотрела на него, а он совершенно спокойно — на меня. Нисколько не волнуясь, не выказывая даже тени тревоги.

— Маги выселены за границу государства, — процитировала я наизусть фразу из учебника, — маги — потомки ужасных существ, когда-то поработивших человека. Магам запрещено вступать в контакт с людьми и пересекать огороженную территорию их поселения. Они никому не подконтрольны, жестоки и опасны.

Я замолчала, боясь теперь произнести вслух хоть слово, но непрерывно твердя про себя: «Не может быть. Не может быть». Он прямой родственник императора. Среди императорской родни не могло оказаться магов или потомков кого бы то ни было, кроме людей, никаких иных существ. Но один из дознавателей говорил, будто у Зверя нюх, точно у оборотня. Возможно, он фигурально выражался, намекая на особые чутье и хватку, а вовсе не на прямую связь с перевертышами. И я сама утвердилась в обоснованности подобного подозрения, узнав о родственных связях с императорским домом, а вот теперь... Магия передавалась по наследству. Способности проявлялись как у прямых потомков всех представителей магического сообщества, так и у наследников человеческой крови и крови иной расы.

— Какая начитанная библиотечарша, — хмыкнул Зверь и сделал шаг ко мне. Я попятилась, а он нарочито медленно принялся закатывать рукав рубашки. — Такая умная. Цитирует книжки и, главное, вовремя и к месту. Почему я не удивлен, что ты умудрилась попасться на глаза Призраку?

Он продолжал потихоньку наступать, а я добралась уже почти до самой двери, когда поднятый рукав рубашки обнажил широкий браслет на запястье. Толстый литой браслет из красного золота. Он плотно обхватывал руку, перекрывая белесый длинный шрам, тянущийся дальше по предплечью и исчезающий под тканью.

— Мышонок, ты такая рассудительная, как же умудрилась забыть об аккумулянтах? — И он поднял руку выше, позволив тусклому свету из окна прогуляться по гладкой золотой поверхности.

Наступил подходящий момент, чтобы провалиться сквозь пол, и едва заметная улыбка на губах Зверя это подтвердила. Конечно, ведь я принялась бросаться серьезными обвинениями, совершенно забыв про накопители магии, способные удерживать в себе невероятно мощные заряды. Но ведь они были столь редки в нашем государстве и стоили баснословных денег. Мне за всю жизнь работы библиотекарем в условиях суровой экономии хватило бы только на застежку от этой вещицы. Вот поэтому я даже не вспомнила о них.

— А как же... — начала я и замолчала.

— Как у дознавателя очутился аккумулянт? — закончил мою фразу Зверь, явно прилагая усилия, чтобы не расхохотаться.

Глупее я себя еще не ощущала. Понятно, что ни один дознаватель не мог заполучить такую вещь, исключая того, кто приходился императору родственником.

Я потупилась, а Зверь вдруг спросил:

— И почему я не слышу?

Пока пыталась сообразить, к чему этот вопрос, дознаватель вдруг очутился рядом и поднял мою голову за подбородок, заглянув в глаза.

— Почему не слышу извинений за нелепые и кошмарные подозрения? Где попытки загладить вину?

Я уже открыла рот, собираясь сперва произнести несколько фраз в свою защиту, но меня сурово прервали. Со словами: «Даже извинений добиваться самому», — Зверь дернул меня к себе и впился в губы таким поцелуем, что возникло ощущение, будто новый кусок лепнины рухнул с потолка и попал точно по темечку. Совершенно оглушенная, я продолжала остолбенело стоять на месте, даже когда дознаватель отстранился и облизнулся.

— И правда, вкусная Мышка.

— Вы... — Хотела повторить уже набившее оскомину: «Да как вы можете!» — но дальше обращения дело не пошло. Отказали и голос и воображение, а подходящие к ситуации обвинительные речи на ум не пришли.

А Зверю было все равно. Он вовсе от меня отвернулся и озаботился иным вопросом, игнорируя мое состояние.

— Стена толстая, придется ломать, — заявил дознаватель, окинув взглядом тот самый участок, за которым он якобы ощутил пустоту. — Потеряем время, но, может, найдем что-то стоящее.

И он резво развернулся и направился к выходу.

Я не поспевала за стремительной сменой его настроения, поэтому пока осмысливала фразу насчет погрома старинной библиотеки, он уже исчез в темноте коридора. Меня привел в себя новый треск, и, мгновенно вспомнив об упавшем куске лепнины и отсутствии магического браслета, я бегом кинулась за дознавателем.

Когда выскочила из коридора, оказалась в прежней зале. Сюда еще не вернулся ни один из посланных на осмотр помощников Зверя, сам же он спокойно присел на корточки возле старинной мозаики и вновь ее разглядывал.

Я открыла рот, дабы проговорить наконец все обвинения, но поняла, что время ушло и сейчас они попросту прозвучали бы глупо.

— Надеюсь, сработает, — вполголоса проговорил Зверь.

— Что сработает? — не удержалась от вопроса.

— Приманка, — невозмутимо пояснил дознаватель.

— Какая? — начала я и тут же припомнила его фразу, произнесенную в кабинете, — вы же не меня сейчас имеете в виду?

— Именно тебя.

— То есть вы серьезно рассуждали о том, чтобы сделать меня приманкой?

— Я редко шучу в серьезных вопросах, — ответил Зверь поднимаясь.

— А почему вы решили, будто я сойду за приманку? — Я категорически возражала против подобного. — Призрак ведь не убил меня на месте, прежде чем успела сообщить вам подробности. Какой резон ему сейчас расправляться со мной?

— Мышка, ты читаешь много книжек, но разве они помогают трезво взглянуть на реальные вещи? — Дознаватель покачал головой с таким видом, будто любовь к чтению являлась самым серьезным недостатком.

— Я все еще не понимаю.

— Ты высказала чисто книжный взгляд на обыденного преступника. Такие методы описываются в различных мрачных романчиках, но значительно реже — в преступных хрониках. А мы имеем дело с весьма одаренным преступником, неуловимым, понимаешь?

— Не понимаю. Как это связано со мной?

— В нашу первую встречу, Мышонок, когда ты пришла на допрос, я выяснил, можешь ли ты представлять интерес для Призрака.

— Неправда! — Я не смогла сдержать возмущения. — На допросе вы только ощупали меня со всех сторон.

Зверь запрокинул голову и расхохотался.

— Какая чудная манера говорить правду в лицо! Такая редкость в наше время. Я, бесспорно, щупал, — согласился он, — и попутно оценивал твою реакцию, выяснив главное — наша Мышка невинна.

— Если... — я смутилась и покраснела, — если это было главной целью, вы могли просто спросить.

— Что ты, Мышулька, слова позволяют выяснить слишком мало.

— Я все равно не понимаю.

— Сейчас поймешь. Знаешь, милашка...

— Я Миланта.

— Звучит как милашка. Так вот, — нахальный дознаватель продолжил вещать прежним тоном, снова игнорируя мое возмущение, — ты не первая свидетельница его преступлений, а третья по счету из тех малышей, которых отличал один признак — все они были невинны.

Что-то мне не понравилось это замечание.

— Как ни удивительно это прозвучит, но Призрак выбирал именно таких девушек.

— Что значит выбирал? — От дурного предчувствия похолодели руки.

— Если так понятней: он их находил, а потом их находили мертвыми.

— Что? — Теперь похолодело в груди и задрожали колени.

— Самое удивительное, оба раза не обнаружено следов насильственной смерти, в отличие от прочих жертв.

Зверь замолчал, по-видимому ожидая нового вопроса, которого я оказалась не в состоянии задать. Не дождавшись реакции на свои слова, дознаватель спокойно продолжил:

— Понимаешь, Мышонок, они расставались с жизнью добровольно. Каждый раз были обнаружены следы присутствия Призрака, что позволило связать преступления именно с ним, но не похоже, чтобы он прикладывал руку к устранению девушек в прямом смысле. Выглядело так, будто они все сделали сами.

— Что сделали? — Этот вопрос я произнесла одними губами, но Зверь догадался и ответил:

— Закололи себя ритуальным клинком.

Я сперва позеленела, потом покраснела, а после стала бледнее меловой стены.

— Ну же, Мышка, — дознаватель вновь оказался рядом совершенно незаметно, — не пугайся. Я намерен лично проследить за твоей безопасностью. Мы его не упустим в этот раз.

— Не упустите, да? — Не знаю, негодования или недоверия было больше в этом вопросе. — Вы меня проверяли! Проверяли, как... Хотели убедиться, что гожусь для добровольного заклятия. А второй раз с той же целью распускали руки?

Зверь хмыкнул и пожал плечами:

— Немного увлекся.

— Увлеклись? Примерно так же, как увлечены сейчас погодней за Призраком? А если вам важен только результат? Где гарантии того, что вам не все равно, поймать его до моего убийства или после? Вам ведь нужно подsunуть ему приманку, а я третья по счету из, как вы выразились, невинных малышей. Зато для меня не будет второго шанса. И жизни второй, и даже третьей тоже не будет!

— И что ты хочешь сказать?

— Я отказываюсь служить приманкой!

— А выбор у тебя какой? — Он спокойно спросил, но в приглушенном свете библиотеки вся его фигура вдруг показалась мне еще более мощной и огромной.

— Отказаться.

— И не опасешься, что он за тобой придет?

— Я спрячусь.

— Будешь прятаться в своей мышинной норке? И как долго?

— Пока вы его не поймаете, но без моей помощи!

Дознаватель смерил меня взглядом и зачем-то принялся расправлять рукав рубашки, закрывая браслет. На долю мгновения почудилось, что по гладкой поверхности прокатился красноватый блик.

Он же не собирался применять ко мне магию?

Ответ на вопрос я не получила, поскольку издали донеслись голоса, и в холл один за другим вернулись помощники.

— Милорд, — уважительно склонил голову один из вернувшихся, — мы убедились, что ходы действительно не сообщаются с подземными тоннелями.

— Прекрасно, — воодушевился Зверь, вновь удивив меня резкой сменой настроения. От угрозы, которую я ощутила еще секунду назад, не осталось и следа. — Сегодня нам больше нечего здесь делать. Проверить мои догадки сможем, когда согласуем вариант сноса стены. А теперь идем.

— Вы тоже поспешите по домам, — повернулся к нам с директором один из сыщиков, — скоро ночь.

Я услышала предупреждение краем уха, так как провожала глазами широкую спину главного дознавателя.

Ушел? Просто взял и ушел, поскольку я не согласилась? Даже не подсказал, как действовать дальше?

Директор отправился провожать наших гостей до выхода, а когда вернулся, застал меня растерянной и совершенно убитой таким отношением.

— Я убедился, Миланта, в своих подозрениях, и решение менять не стану. Поспешите с поиском работы. И не забудьте запретить этот зал и отдать ключи охране. Увидимся завтра.

И недовольно, точно намекая на какой-то тяжелый проступок, совершенный мной, он отдал ключи и покинул зал. Бежать следом с криком: «Не оставляйте меня здесь», — было так же глупо, как заявлять Зверю, что несогласна с озвученным им условием моей защиты. Начальник выгнал бы на улицу в тот же миг, даже не раздумывая, ведь одно мое пребывание под сводами библиотеки теперь представляло угрозу. Единственным вариантом, кроме ночевки под открытым небом, было возвращение в каморку под крышей, где я могла затаиться до утра, не смыкая глаз, чтобы успеть позвать на помощь охранников.

Очень хотелось верить, что звать их не придется. Оставалась надежда, что Призрак тоже затаится и выждет некоторое время. Ведь каким бесстрашным и уверенным в собственной безнаказанности надо быть, чтобы явиться за следующей жертвой, пока столица еще не успела проститься с мэром?

В этот миг я не могла представить, будто есть нечто более ценное, чем спокойные безмятежные дни и надежное убежище, где можно скрыться от непредсказуемых дознавателей и неуловимых убийц.

С тяжелым вздохом я поспешила к высоким дверям, стремясь поскорее закрыть их на замок, а когда торопливо пробежала по мозаичному кругу, заметила странные разноцветные блики в углу. Там, на темных квадратиках, сложенных в старинную надпись, лежал прозрачный камень. Красноватые отблески света отражались от его граней и создавали те самые причудливые блики, которые привлекли мое внимание.

Как странно! Ведь здесь повсюду рыскали дознаватели, и никто из них не заметил этой пусть маленькой, но сверкающей улики. Я судорожно схватила камушек краем юбки, боясь стереть с него какие-то отпечатки, и положила в карман, торопясь поскорее покинуть залу. Повернув ключ в замочной скважине, испытала настоящее облегчение, а затем побежала ко входу на черную лестницу.

Что может быть страшнее, чем свернуться комочком на собственной кровати, напряженно прислушиваясь к каждому звуку и вздрагивая, когда за окном вскрикивает птица? Безлюдная тишина, пронизанная ночными шорохами, давила. Мерещилось, будто в ней отчетливо раздается звук шагов.

Моя спальня располагалась прямо над рабочей комнатой директора, и помимо слухового окошка, ведущего на крышу здания, здесь было еще одно — копия круглого витража, как в кабинете внизу. Разноцветные стекла причудливо искажали картину просторного главного зала со стеллажами, и разглядеть что-то сквозь них было трудно.

Я сжала голову руками, пытаюсь избавиться от слуховых галлюцинаций, но они не желали отступать, а звучали все громче и громче. До крючка, удерживающего круглую раму, можно было дотянуться прямо с кровати. Всего одно небольшое усилие, чтобы откинуть хлипкий медный крюк и посмотреть вниз, на причудливую мозаику под старой аркой, но у меня никак не выходило. Рука ходила ходуном и раз за разом промахивалась, не умея ухватить изогнутый металлический стержень.

Все странные звуки стихли тогда, когда пальцы легли на тускло блестящий изгиб и вытащили крюк из медного кольца. Петли не скрипнули, точно окошко не желало выдать себя неосторожным звуком. Оно отворилось всего на несколько сантиметров, будто боялось открыть моим глазам слишком страшную картину. Даже порывистый вдох не вырвался из груди и не коснулся гладкой поверхности стекла, не затуманил его холодной испариной. Взгляд осторожно и крадучись, точно вор, спустился по книжным полкам, слегка обжегшись о край колеблющихся свечей, точно так же дрожащих в своих тяжелых канделябрах, и застыл оцепеневшим, скованным ужасом зверьком, заметив на мозаичном круге высокую, сотканную из теней фигуру.

Медленно, так медленно, что могла разглядеть, как проносятся перед глазами поспешные секунды, я отстранилась от окошка. Показалось, или тот человек внизу и правда вскинул голову к потолку?

Он придет, сейчас придет. Сердце знало, потому и колотилось так отчаянно, скованное в своей хрупкой грудной клетке. Призрак придет за мной. Что стоит ему поймать меня в этой мышеловке и всадить в грудь нож? А если он сделает это не сам? Важно или нет, как он убеждал других девушек убить се-

бя? Мне это было не важно, потому что я до беззвучного, никому не слышного крика не желала повторять их судьбу.

Пока бесполезные мысли билась в голове точно влетевшая в распахнутое окно сумасшедшая пичужка, ладони уже водили по соседней стене, пытаясь нащупать незаметную выемку. Именно здесь я давным-давно отыскала маленький закуток, позже закрытый досками. Бесполезный, он не пригодился даже в качестве чулана, а вот сейчас я как безумная пыталась сдвинуть в сторону старую панель.

Даже не представляю, каким чудом удалось уместиться в крохотном пространстве, как мне повезло задвинуть доску за собой, чтобы комната изнутри выглядела совершенно пустой.

Я слышала шаги. Жила сейчас одними ощущениями, а чувствовала оголенными нервами, потому и шаги в голове звучали набатом. Мне бы следовало закрыть глаза, чтобы не видеть, затаить дыхание, чтобы не выдать себя прерывистым вздохом, но погрузиться в полную темноту значило отдаться на волю первобытного ужаса. Я наблюдала за маленькой комнатой, освещаемой колеблющимся пламенем истекавшей воском свечи. Тени плясали на стенах, то удлиняясь, то укорачиваясь, и одна из этих теней вдруг стала расти, обретая форму.

Он пришел. Мозгом я понимала, что он поднялся в комнату, а глазами видела, как его фигура выступает из сумрачных неясных очертаний.

«Приз-рак», — отбило по слогам сердце. Высокий бледный мужчина с волосами, точно отбеленными мелом до самого снежного оттенка. Тонкий прямой нос, высокий лоб и льдистые глаза под идеальной формы бровями, такими неожиданно темными на этом мраморном лице, как и загнутые вверх длинные ресницы. Губы выглядели почти бескровными, а не яркими, как у обычного человека, хотя их форма тоже была идеальной. Он весь казался мастерски вылепленной из совершенного куска мрамора фигурой и двигался плавно, скользя от тени к тени. Может, зрение подводило, раз я не могла уловить его перемещений. Вот он стоял возле двери и уже очутился около стола.

Длинные белые пальцы, которые в последний раз на моей памяти крепко сжимали окровавленный нож, провели по кожаным переплетам сложенных стопочкой книг, коснулись выведенных моей рукой ровных строчек в тетради. Еще пару дней назад я составляла перечень редких экземпляров, подаренных библиотеке их авторами, но после памятного происшествия так и не взялась закончить его.

Призрак изучал внимательно все предметы на столе, пока не заметил того самого камня, что я отыскала на мозаике под аркой. Снимая платье, я выронила его из кармана и положила на столешницу, а теперь кусала губы, проклиная себя за неосмотрительность.

Он поднес руку к неровным граням, и радужные капли точно отозвались на это движение и бросились разом к его руке, чтобы, толкая друг друга, собраться в центре, любовно прижаться к ладони хозяина и растерянно рассыпаться вновь по столу, когда Призрак убрал руку.

Он не взял камень, даже не прикоснулся к нему, отвернулся и приблизился к моей кровати. Поднял с простыни истерзанный, измученный платок, который едва успел просохнуть от слез, осторожно поднес его к лицу, прижал, вдыхая запах, и крепко стиснул в кулаке.

Льдистый взгляд вновь заскользил по комнате, равнодушно пробежался по уже осмотренному столу, приотворенной раме мозаичного окна и задержался на старых деревянных панелях.

Сердце стукнуло раз, два и затихло. Нервный зуд, который нарастал, казалось, под самой кожей, стал почти нестерпимым. Голову точно раскалили докрасна, а после окатили ледяной водой. В груди заколотилось сердце, забилося о хрупкие ребра, когда этот самый пугающий взгляд точно столкнулся с моим, проникая сквозь деревянную преграду.

Его шаги раздавались только в моей голове, когда он бесшумно приблизился к закрывавшей крохотное убежище панели.

Я не выдержала, зажмурилась и со всей силы сжала кулаки, чтобы не закричать. Ногти вдавились в ладони, оставляя на них полукруглые следы моей плохо контролируемой паники.

Еще секунда — и сама не выдержу, порвется струна натянутых нервов, и тогда...

Я не успела додумать, что случится тогда, поскольку тело вдруг охватил озноб, пробежал, щекоча острым лезвием по коже, поднимая тонкие волоски, парализуя волю, и раскололся звонкими льдинками, рассыпался в снежное крошево, когда за дверью послышался грохот.

Деревянную створку выбили с той стороны лишь две минуты спустя. Вероятно, дверь ломали совершенно напрасно, поскольку она была не заперта (ведь Призрак как-то вошел в комнату). А может, он и правда просочился внутрь вместе с тенью, а щеколда осталась задвинута?

— Ищите! — Короткий приказ и знакомый, не терпящий возражений тон. — Окно открыто, мог уйти по крышам.

В ответ послышались шум, топот ног, кряхтенье, скрип оконных петель, стук деревянной рамы и тонкий звон стекла.

«Там красивый витраж, — заползла в голову совершенно дурацкая мысль. — Что, если разобьют?»

— Ты идиот? — услышала я короткий рык, от которого вновь поползла морозная корочка по коже, — так ощущался мною чужой страх. Другой человек дрожал, оставшись в комнате один на один со Зверем. — Ты в курсе, что красться нужно бесшумно, не сбивая ничего по пути? Ты выдал наше приближение.

— Там темно, я...

— Темно? — Этот вопрос прозвучал так, словно большей ерунды начальнику дознавателей слышать не приходилось.

— Это случайность...

— Кто ты у нас?

— Ч-что? — заикаться в присутствии Зверя и дрожать из-за его резких переходов от одной темы к другой выходило не только у меня.

— Кем ты приходишься третьему советнику моего братца?

— А-а-а...

Резкий звук раздался так неожиданно, что я, не поверив своим ушам, распахнула глаза и сквозь щель вновь заглянула в комнату. Нет, слух не подвел, это действительно щелкнул предохранитель на револьвере. Том самом, что Зверь выхватил из кобуры и наставил на побелевшего молодого подчиненного.

— Я никого не беру по протекции, будь ты хоть самим императором. Единственное исключение — равноценный обмен.

— Вы же... вы же...

— Что? Не выстрелю? Не люблю, когда мне навязывают дураков, выдавая их за умников. Полагаю, если украсить твое трясущееся тело парочкой заметных дырок — это станет хорошим уроком для остальных, включая моего кузена. Согласен?

Собеседник Зверя точно согласен не был, но его скрутило от ужаса, как совсем недавно меня. Молодой человек сравнился цветом кожи с тем, кого они старательно пытались поймать, и речь ему отказала.

— Считаю до трех; успеешь унести ноги, может, останешься жив. Раз...

Протянутого с лентой первого слова хватило, чтобы бывший подчиненный растаял без следа, точно пресловутый Призрак.

— Какой же идиот, — хмыкнул дознаватель, прокрутив на пальце револьвер, — но он испортил мне всю охоту.

Последняя фраза, сказанная таким же насмешливым тоном, как и первая, прозвучала однако более зловеще. Мне вдруг подумалось, что молодому дознавателю не столь повезло, как он теперь думал. Похоже, умение быстро уносить ноги помогло ему ненадолго.

От следующих слов я вздрогнула всем телом, позабыв обо всех прочих мыслях:

— Хорошо спряталась, Мышка? Выходи.

Мозг словно набили ватой. Куда выходить и зачем? У меня даже кулаки не разжимались, а красные полосы на ладонях могли остаться навсегда. Я боялась двинуться, все еще переживая явление Призрака, только теперь понять не могла, он мне привиделся или нет. Ступор после испытанного ужаса, наверное, был обычной реакцией, только прежде я никогда не пугалась до такой степени.

Резкий треск напугал еще сильнее, я попыталась забиться в самую крохотную щель своего укрытия, упорно стремясь вернуться от рук сломавшего перегородку Зверя. Я не могла понять, дознаватель это или пришедший за своей жертвой убийца. Отчаянно сопротивлялась, даже когда он потащил наружу. Расцарапала кожу о металлические пластины черной куртки сыщика, но продолжала рваться обратно в убежище, сдирая костяшки пальцев о сглаженные края холодного металла.

Он выпустил неожиданно, и последний мой рывок привел к тому, что я упала и растянулась на полу. А в следующий миг сверху пролился ледяной дождь. Зубы выбили дробь, ветер, дунувший в распахнутое окно, вдруг показался по-зимнему морозным. Пальцы тут же свело от холода, и, дрожа, я с трудом уселась на колени и обхватила плечи руками.

Внезапная и резкая смена температуры заставила пальцы разжаться, чтобы успеть закрыть лицо ладонями, спасая его от иссушающего зноя. Жар прошел до костного мозга, набился в горло, вызывая неодолимую жажду, пробрался между нитями одежды и спутанными прядями волос, мгновенно высушив их.

Изумленный вздох вырвался сам собой, а уже осмысленный взгляд натолкнулся на насмешливый взгляд дознавателя.

— Пришла в себя? — задал еще один вопрос Зверь и повел ладонью, отчего меня резко подбросило в воздух и поставило на ноги прямо напротив принявшего самую расслабленную позу дознавателя.

— Как можно... — Зубы больше не стучали, а возмущение позволило наконец высказать собственные мысли: — Как можно так обращаться со всеми? Как можно впустую тратить заряд столь уникальной магической вещи?

Последний вопрос удивил нас обоих и задан был потому, что мое внимание привлекли красные всполохи, бегущие по золотой поверхности выглянувшего из-под куртки браслета.

Дознаватель внезапно улыбнулся и невозмутимо ответил:

— Точно так же, как и впустую тратить мое время на разные глупости и бессмысленную истерику.

— Бессмысленную?

У Зверя превосходно получалось сводить все мои ощущения к возмущенной злости.

— Возможно, за вами преступники приходят каждый день в надежде убить, и вы уже привыкли, а я нет!

— Я предлагал защиту, Мышка, тогда бы тебе не пришлось дрожать, забившись в крохотную щель. Ты же выбрала глупую игру, состроив из себя самостоятельную и независимую библиотекаршу.

— Он не мог найти меня так просто! Панель незаметна снаружи, а он шел точно к ней. И вы!

Последняя фраза прозвучала как обвинение.

— Тебя легко найти, Мышка. Аромат выдает.

Какой аромат? Я растерянно коснулась растрепавшихся волос, поднесла прядь к носу, вдохнула, вообразив, будто сегодня сбрызнула их любимыми духами, но не ощутила даже слабого флера.

— Я ничем не пользовалась.

— Я говорю о запахе твоей кожи и волос, об аромате твоего тела. Он сильнее, когда ты боишься, Мышка.

Какие глупости! Люди ведь не звери, чтобы обладать таким же нюхом. В ответ на эту мысль само собой пришло воспоминание о платке, который схватил Призрак.

Потребовать от дознавателя мало-мальски четких пояснений помешал запрыгнувший в окно помощник.

— Ну? — требовательно спросил сыщик.

— Его нигде нет, ребята спустились на улицу и проверяют до самого тупика.

— Ушел, — постановил Зверь, даже не скрывая собственной досады. — Собери всех внизу, мы возвращаемся.

Помощник кивнул и мгновенно исчез из комнаты, а я открыла рот от изумления:

— Как возвращаетесь?

— Обычной дорогой, — отмахнулся Зверь, задумчиво глядя в ночь за окном.

— Вы оставите меня одну?

— Предлагаешь провести ночь у тебя? — приподнял брови он, заинтересованно оглядев мой халат, накиннутый на длинную ночную рубашку.

Я невольно стиснула отвороты, запахивая халат еще плотнее, и даже попятилась.

— Ничего такого я не предлагала, но ведь он может вернуться. — Голос под конец фразы охрип и задрожал.

— Вряд ли, — качнул головой Зверь. — Уже то, что он пришел за тобой так скоро, выбивается из его обычного образа действий. Второй раз за ночь Призрак не появится.

— Как вы можете знать?..

Мою попытку добиться обоснованных заверений Зверь прервал тем, что резко развернулся и сделал шаг в мою сторону.

— Кстати, маячки деактивированы, нужно снять.

— Какие...

И эту фразу окончить не успела, поскольку Зверь подхватил за талию и устроил меня на подоконнике. Пока я хватала ртом воздух, он резко сдернул халат вниз, а ладонями прошелся по моим покрывшимся мурашками рукам. Легкий зуд, который ощущала до сих пор, тут же стих, но я едва бы разобралась, в чем дело, не заметь исчезающие с кожи темные очертания скорпионов.

Скорпион! Дознательская метка, пресловутый маячок, настроенный на определенные эмоции человека и посылающий сигнал тому, кто его установил. Когда он только успел?!

— В коридоре, — поймал сыщик мой изумленный взгляд.

— Пока нахально меня ощупывали? — со злостью спросила я и ахнула, а потом попыталась оттолкнуть опустившиеся на бедра наглые руки.

В ответ он лишь встал вплотную, отчего я лишилась способности бурно сопротивляться, а ткань длинной рубашки сама потянулась вверх, оголяя ноги.

С ума сойти! Эти метки оказались даже на внутренней поверхности бедер. Показалось, будто Зверь вновь изменил температуру в комнате, призвав иссушающий зной, но в этот миг дознаватель отклонился, и я смогла ощутить прохладный ночной ветерок из раскрытого окна.

Он задумчиво меня оглядел, а потом остановил взгляд на губах.

— Точно, последняя, — заявил он. Я ожидала, что он протянет ладонь, но бесцеремонный родственник императора решил снять метку отнюдь не рукой. Он склонил голову, а я резко подалась назад, рискуя выпасть в окно. По лицу Зверя пробежала тень недовольства, точно его изрядно утомило мое сопротивление.

Широкая ладонь запуталась в моих волосах, вторая надавила на спину, а Зверь прижался к моим губам своими.

Даже боюсь предположить, как мы смотрелись со стороны. Я с задранной выше колен рубашкой и разведенными в стороны ногами, между которыми замер главный дознаватель. Учтывая, что он крепко меня держал, пока убирал с губ жгучую метку, второй версии происходящего не могло бы возникнуть даже у самого умного сыщика.

Как и в прошлый раз, он отпустил, лишь когда перестала сопротивляться.

— Мышка, — обратился он негромко, проводя большим пальцем по моим губам, словно стирал поцелуй, — метки лучше снимать тем способом, каким они поставлены.

— А ин... — Я сделала попытку перевести дух, поскольку дыхание сбилось, а сердце выпрыгивало из груди. Вдохнула побольше воздуха и закончила предложение: — А иначе что?

— Будет больно, — пожал плечами дознаватель и отстранился. — Я учту на будущее твое неумение целоваться, милашка, и буду лепить маячки самым примитивным способом. Теперь нет смысла делать это тайно, я прав?

— Мое имя Миланта! — Я спрыгнула с подоконника, пошатнулась и вцепилась пальцами в холодный камень. После ощутила порыв ветра и, развернувшись, захлопнула окно. Когда я повернула голову к дознавателю, собираясь продолжить беседу, а точнее, планируя высказать ему все-все про тайные методы, обнаружила комнату пустой.

— Ничего себе!

Я растерянно обвела спальню взглядом.

— Ушел? Снова вот так взял и ушел?

Я прижала ладони к щекам и обнаружила, как сильно они горят.

— Да что он за человек! Что за дознаватель такой!

И вместе с этими вопросами возник еще один: что мне теперь делать? Маячки он снял, а ставить метки сразу после того, как убрал предыдущие, нельзя. Остаточный след мог спровоцировать повторную активацию, оттого приходилось какое-то время выжидать. Но если Призрак ждать не станет?

С одной стороны, в глубине души я верила выводам Зверя. Он так уверенно говорил, что убийца этой ночью уже не придет, будто располагал неопровержимыми, но недоступными мне доказательствами. А с другой, он не был на моем месте. Сегодня довелось такого натерпеться, что, если бы не совершенно неожиданное поведение дознавателя, я бы точно скатилась в истерику.

Что и говорить, умел он отвлечь внимание жертвы неудавшегося покушения. А эта его фраза про примитивные способы навешивания маячков. Будто я умоляла себя поцеловать! Словно прежде должна была из уважения к кузену императора обучиться технике поцелуев. Не так много находилось желающих преподавать подобные уроки неприметным библиотекарям. Да что он вообще понимает!

Я снова возмущенно запыхтела, даже не задумываясь о том, что это все же лучше, чем замирать от страха, прислушиваясь ко вновь воцарившейся в библиотеке тишине.

Новая идея пришла в голову внезапно, и я сперва отмахнулась от нее, однако мысль оказалась настойчивой и упорно не желала прятаться обратно на периферию сознания. Директор велел искать другую работу, но уже завтра он узнает о произошедшем этой ночью. Узнает и выгонит меня. То есть даже до утра оставаться не имело смысла, можно было паковать вещи прямо сейчас. Но куда идти?

Я приблизилась к темному окну, вглядываясь в ночь за стеклом. Звезды мигали на небосводе, в окнах окружающих домов еще не горел свет. Куда? К непредсказуемому дознавателю, который будет раз за разом делать из меня приманку для убийцы, пока кому-то из них двоих не улыбнется удача? Как мне скрыться от обоих?

Прижав ладонь к лицу, тоскливо вздохнула и отошла от окна, случайно смахнув что-то со стола рукавом. Присмотревшись, увидела закатившийся под стул камень. Я ведь хотела отдать его сыщикам! А Призрак его даже не забрал.

Подняв улику с помощью носового платка, полюбовалась на разноцветные блики, которые бросали россыпь радужных капель на рукав, и внезапно приняла окончательное решение. Оставалось только достать из-под кровати свой маленький потертый чемоданчик и упаковать в него нехитрый скарб.

Я собралась так скоро, как еще никогда в жизни. Все накопленное богатство уместилось в чемоданчике, легко застегнувшимся на металлические застёжки. Погладив холодный ме-

талл, мелкие трещины и потертости на выдавшей виды коже, прижала чемодан к груди, набираясь решимости. Отец тоже когда-то пустился в далекое путешествие по всей бескрайней империи, не имея ничего за душой. Шел по дорогам, неся в руке только вот эту вещичку.

Немного он заработал за это время, если измерять богатство в деньгах, но если взять другую меру, ту, что меньше всего ценится в настоящее время, то он стал великим богачом. Частью своих сокровищ он поделился и со мной, а я теперь предаю его идеалы, дрожа здесь, в крохотной каморке под крышей, цепляясь за видимое благополучие, боясь сделать лишний шаг за пределы ставшей уютным прибежищем библиотеки. Довольно! Зверь очень точно меня оценил. Мышка, всего лишь серая невзрачная и пугливая мышка. Я умею гораздо больше, я знаю гораздо больше, и я добьюсь большего, если только вырвусь за пределы своей тюрьмы-убежища. И никому не позволю управлять своей жизнью.

Напутствуя себя таким образом, только чтобы избавиться от гложущего чувства страха, я решительно отворила дверь и сбежала по черной лестнице на первый этаж. Охрана стояла у дверей главного входа, а со стороны заднего двора был еще один выход, обычно запертый на замок. Где находился ключ, я знала, а потому теперь тихонько вставила его в замочную скважину, провернула два раза и протяжно выдохнула, когда услышала щелчок. Дверь подалась без усилий, оставалось только тихонько притворить ее за собой, прежде чем шагнуть в пугающую неизвестность.

Не думаю, что успела уйти далеко, хотя в переплетении маленьких улиц, примыкающих к зданию библиотеки, я разбиралась неплохо. Свернув в противоположную от тупика сторону, отправилась в направлении утреннего рынка, а не дойдя до него пару кварталов, свернула раз и еще раз и вдруг очутилась в незнакомой подворотне.

Сориентироваться оказалось сложнее, поскольку улицы не освещались фонарями, однако не это беспокоило меня в данный момент. Неприятное щекочущее ощущение возникло внутри — предчувствие пока еще не осознанной беды. Я постоянно зевала, а глаза приходилось непрерывно тереть, чтобы не слипались. Ноги заплетались точно у пьяной, а руки ломило под тяжестью легкого чемодана. Усталость навалилась внезапно, и пришлось прислониться к ближайшей стене. Колени подогнулись, и я медленно сползла вниз, устраиваясь на корточках. Последняя мысль была о том, что сон буквально свалил с ног.

ГЛАВА 3

Как же сдавило виски, а в ушах так гудело. Качнув головой, ощутила еще большую тяжесть, ноющую, давящую, она обручем охватывала голову. Что со мной?

— Ох!

Я тяжело выдохнула и сжала зубы, когда резкая боль прокатилась по всему телу, стоило лишь раскрыть глаза. Вокруг было темно, ничего не видно, я сидела на чем-то твердом, прислонившись спиной к стене. Заведя руку назад, ощущала стену и поняла, что это дверь, старая, деревянная, разохшаяся в мелкие трещинки.

Ладонь сместилась ниже и ощутила шершавый камень, а затем гладкий, отполированный подошвами чужих ног порожек, на котором я и примостилась, точно нищенка на паперти.

В голове всплыла последняя сцена, как шла, шатаясь, словно пьяная, как сползала вдоль стены, придавленная неподъемной тяжестью, а глаза закрывались сами собой.

Меня усыпили!

Я знала только одного мерзкого типа с волшебным браслетом, кому невыгоден был мой побег. Зверь мог просчитать, что я перепугаюсь до смерти и не пожелаю остаться в библиотеке до утра, опасаясь новой встречи с Призраком. Да-да! Несмотря на все заверения дознавателя, у меня до сих пор от дурных предчувствий сжималось сердце и по коже пробегал холодок.

Где я теперь? Утро еще не наступило, а вокруг — узкая темная подворотня, за спиной — дверь в чужой дом. Повернуть ли назад, пытаюсь выбраться в более освещенное место, или лучше следовать вперед, надеясь найти выход там?

Что это? Чьи-то голоса.

Мерный басовитый гул приближался, постепенно складываясь в слова, а я сжалась в маленький комочек, подтягивая к груди чемоданчик. Ничего хорошего от встречи с беседующими людьми в непроглядной тьме старой подворотни я не ждала. Этот район не относился к богатой процветающей части города. Я ведь нарочно, убегая, юркнула в грязные извилистые улочки, желая затеряться и уйти от возможной погони.

Затерялась.

— Не нравится мне это. — Слова теперь прозвучали отчетливо, а от тяжелой поступи земля ощутимо подрагивала.

— Ты о том, что ищейки шарились по улицам? — спросил чей-то хриплый скрипящий голос. — Тебя искали?

— Не меня, но с ними был Зверь, а этот кого хочешь учует. Нужно делать ноги.

— Всадить бы нож ему промеж лопаток, — злобно процедил обладатель скрипящего голоса.

— Не подберешься, — в тон ему ответил второй, отчего я зябко поежилась и с трудом перевела дыхание.

— Ш-ш-ш, там кто-то есть.

— Где? — Скрипучий тон простого вопроса заставил волоски на коже подняться дыбом.

— Там, дальше.

— Ищейки? — шепотом уточнил второй, а потом раздался шорох, словно что-то металлическое и очень острое вытягивали из старых ножен.

Последний вопрос остался без ответа, но шаги зазвучали приглушенно, превратившись в осторожные, крадущиеся, приближающиеся ко мне. Сердце забилося от нового страха, пальцы сжались со всей силы на ручке чемодана, а кожа в яремной впадинке вдруг зачесалась и захотелось провести по ней ногтями, избавляясь от зуда.

— Кто бы там ни был, он один. Сейчас познакомимся. — Шепот прозвучал зловеще и совсем близко, а шаги замерли в метре от меня.

А потом я содрогнулась от резкого залихватского свиста, прокатившегося от одного конца подворотни до другого. И не я одна перепугалась: люди, еще недавно горевшие желанием со мной познакомиться, громко выругались:

— Ловушка! Уходим!

И они ринулись прочь, в противоположную сторону, а потом вдруг тишина вокруг взорвалась сотней звуков — бранью, воплями и веселым выкриком: «Ату их!»

Я узнала этот голос, и скованное страхом тело мгновенно подбросило вверх. Подхватив чемоданчик в одну руку, положила вторую на шершавую стену и, торопясь, поспешила в сторону второго выхода.

Шум и перебранка за спиной отдалялись, и я прибавила ходу, почти переходя на бег. Когда рассмотрела чуть светлеющий проход меж темных стен, бросилась к нему, уже не таясь, и с ходу влетела в перегородившую путь выступившую из-за угла фигуру.

— Мышка, — шепнули на ухо мужские губы, а руки крепко стиснули в объятиях, — я почти успел соскучиться.

Я уронила чемодан, метя попасть по его ноге, но дознаватель ловко извернулся, уклоняясь от «снаряда», и рук не разжал.

— Почему вы не в той стороне? Я слышала вас там! — выдохнула я разочарованно, а потому еще более возмущенно.

— Они справятся, — заявил сыщик, имея в виду своих подчиненных, — а у меня другая задача.

И он вдруг стремительно присел на корточки, а через секунду я взвизгнула, повиснув вниз головой на его плече.

Голос пропал мгновением позже, как и способность сопротивляться. Я висела безвольным кулем, пока Зверь утаскивал в неизвестном направлении. В ушах шумело, в глазах потемнело, и кровь прилила к голове, а потом резко отхлынула, когда меня закинули внутрь черного экипажа на одно из мягких сидений. Запах кожи в широком пространстве кареты мешался с легким ароматом мужских духов.

Только хлопнула дверца, как экипаж покатил вперед, а кузен императора быстро задернул шторы на окнах, погружая все вокруг в еще больший полумрак. На улице уже можно было разглядеть очертания домов, и небо постепенно светлело.

Ощувив, что ко мне вернулась подвижность, я тут же раскрыла рот, собираясь закатить настоящий скандал, а Зверь мигом затянул к себе на колени и, сковав мои запястья своей рукой, быстро прижался губами к яремной впадинке.

— Ай! — Я забилась, стараясь вывернуться, когда кожу начало жечь и колоть сотней иголок.

— Именно так бывает, если снимаешь метку иным способом, не тем, каким поставил, — хмыкнул Зверь.

— Она жжется, жжется. Больно!

— Маленькое наказание строптивой Мышке не повредит.

Я всхлипнула. После всех событий безумной ночи еще и метка обжигала.

— А не нужно было сбегать.

Второй всхлип прозвучал еще громче.

— Глупо, Мышка.

Я проглотила очередное рыдание только затем, чтобы выдать из себя:

— Вы поставили метку после того, как сняли другие. Она могла прожечь мне кожу! Вам, вам плевать...

— Ш-ш-ш.

Зверь повел рукой, и жжение прекратилось, темные размытые очертания скорпиона окончательно пропали с кожи.